

О ДАТИРОВКЕ И КУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ СРЕДНЕВЕКОВОГО МОГИЛЬНИКА КОРДОН МИАССОВО 1 В ГОРНО-ЛЕСНОМ ЗАУРАЛЬЕ¹

Шорин Александр Фёдорович, доктор исторических наук, профессор; главный научный сотрудник сектора археологии каменного века Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук. Екатеринбург, Российская Федерация. E-mail: shorin_af@mail.ru

Шорина Анастасия Александровна, младший научный сотрудник сектора археологии каменного века Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук. Екатеринбург, Российская Федерация. E-mail: aashor@mail.ru

Зыков Алексей Павлович, кандидат исторических наук; старший научный сотрудник сектора эпохи металла Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук. Екатеринбург, Российская Федерация. E-mail: a.p.zukov@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы датировки и культурной принадлежности двух погребений средневекового могильника Кордон Миассово 1, расположенного в горно-лесном Зауралье. Представлены результаты сопоставительного анализа инвентаря погребений, включающего в себя предметы воинско-всаднического снаряжения – колчан с железными броневойными наконечниками стрел, удила, фрагменты конской плети, ножи. Показано, что представленный инвентарь имеет аналогии в широком круге кочевых культур Восточной Европы, Западной и Южной Сибири XIII–XVI вв., что подтверждает и радиоуглеродная дата, полученная по костям из погребения 1 могильника Кордон Миассово 1. Уделяется внимание антропологическому анализу погребенных, расово-диагностирующие особенности которых указывают на их смешанное европеоидно-монголоидное происхождение и признаки морфокомплекса постоянных всадников-воинов. Делается вывод, что в археолого-культурном плане погребения могильника Кордон Миассово 1 входят в круг памятников, распространенных во второй четверти II тыс. на широкой территории по обе стороны Уральского хребта от восточных районов Татарстана, горно-лесных и лесостепных Башкортостана до лесной зоны Зауралья, которые исследователи объединяют в рамках единой – чияликской – культуры. Эту культуру связывают с одним из этапов формирования угорского этнокультурного массива, предков современных ханты, манси и венгров.

Ключевые слова: погребение, эпоха средневековья, горно-лесное Зауралье, чияликская культура.

ВВЕДЕНИЕ

Памятник археологии Кордон Миассово 1 расположен в Ильменском государственном заповеднике в 2,7 км к юго-западу от д. Уразбаева Челябинской области на северо-западной оконечности обширного полуострова между озерами Малое Миассово и Большое Миассово. В физико-географическом отношении это лесная зона восточных отрогов Уральского хребта.

В течение полевых сезонов 2014, 2016 и 2017 гг. раскопом площадью 160 м² выявлено 13 объектов, связанных с функционированием двух разновременных могильников; 11 из них – это черкаскульско-межовские погребально-поминальные комплексы эпохи поздней бронзы и 2 – захоронения эпохи средневековья.

Оба могильника грунтовые, поэтому число реальных захоронений в этих комплексах может быть выявлено только после полного завершения их раскопок.

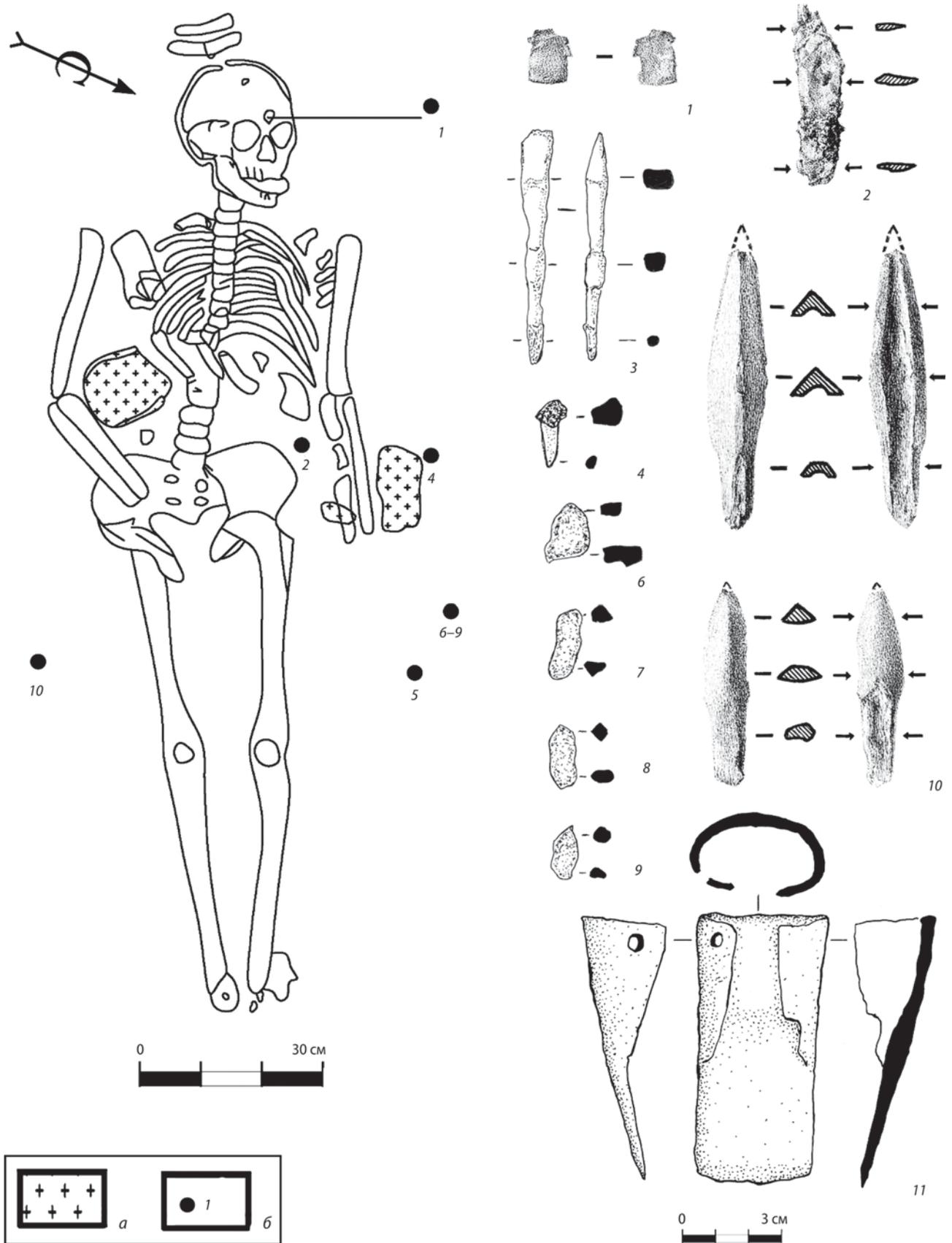
Описание обоих погребений средневекового могильника в научной литературе уже приведено [Шо-

рина, 2017; 2019]. Поэтому в данной статье основное внимание сосредоточено на вопросах его датировки и культурной принадлежности. Рассмотрены также особенности генезиса археологических культур контактной зоны леса и лесостепи по обе стороны Уральского хребта в интервале с IX по XV вв. Их исследователи связывают с формированием угорского этнокультурной общности, непосредственных предков ханты, манси и венгров.

Прежде чем перейти к раскрытию данных вопросов, кратко суммируем особенности погребального обряда этих двух захоронений, отраженного в археологических артефактах.

Оба погребения грунтовые, совершены в неглубоких, 40 и 45 см, могильных ямах, которые перекрыты накатниками, сооруженными из необработанных сучковатых досок (рис. 1; 2). Последние, скорее всего, были скреплены в конструкцию гвоздями (рис. 1, 4). Возможно, что в процессе погребальных действий над могилой разводился ритуальный костер.

¹ Работа выполнена по Комплексной программе УрО РАН, проект № 18-6-6-15 «Археологические памятники как источники по реконструкции развития древних обществ Урала и севера Западной Сибири».

Рис. 1. Погребение 1 эпохи средневековья могильника Кордон Миассово 1:

a – дерево; *б* – местоположение и номер артефакта.

1 – пластина; 2 – обломок ножа; 3, 5, 10 – наконечники стрел; 4 – обломок гвоздя;

6–9 – коррозированные обломки; 11 – тесло-мотыжка.

1 – бронза; 2–4, 6–9, 11 – железо; 5, 10 – кость

Шорин А.Ф., Шорина А.А., Зыков А.П.

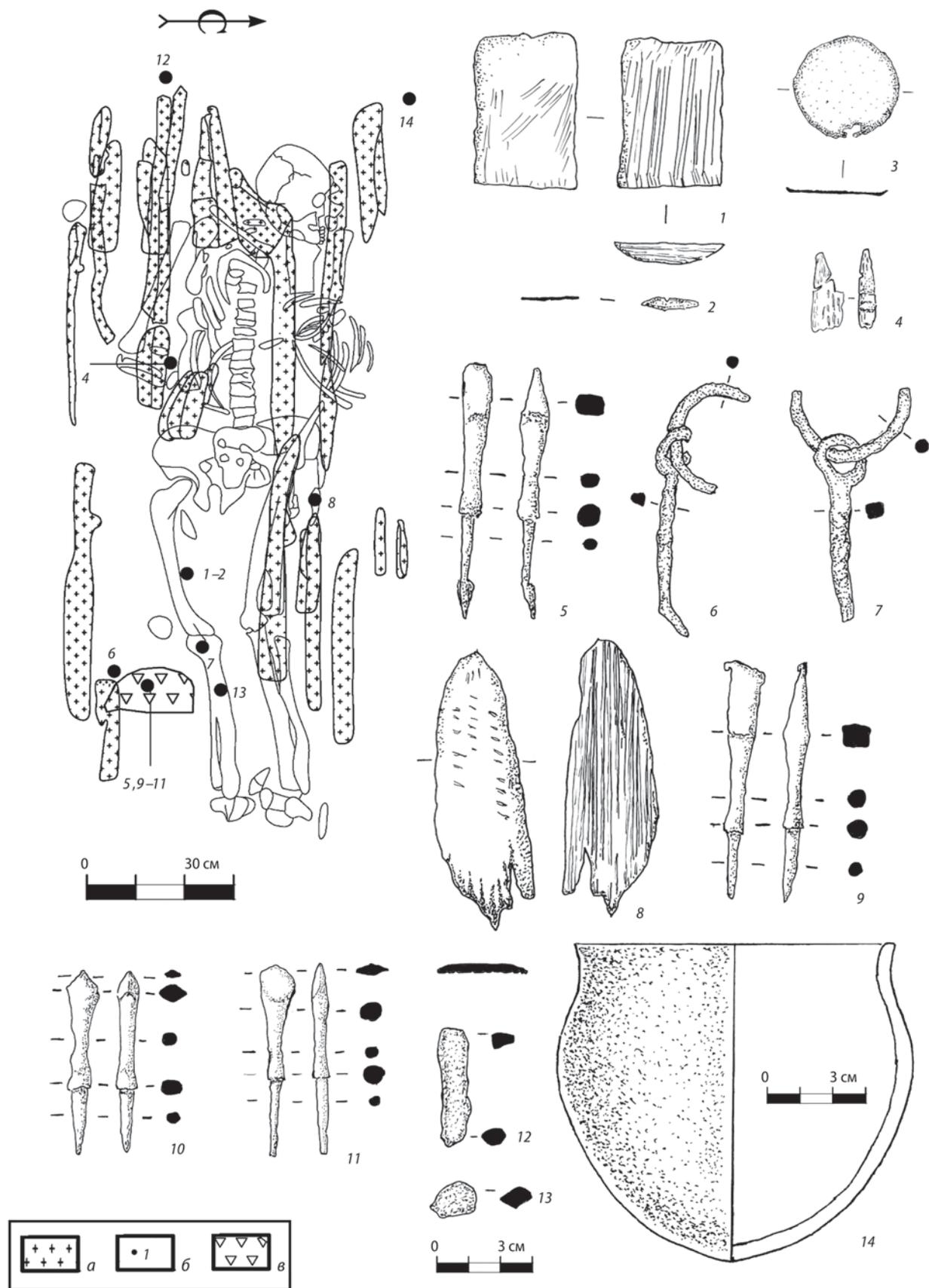

Рис. 2. Погребение 2 эпохи средневековья могильника Кордон Миассово 1:

а – дерево; б – местоположение и номер артефакта; в – берестяной колчан.

1 – фрагмент рукояти; 2 – обломок бронзы; 3 – навершие рукояти; 4 – пуговица; 5, 9–11 – наконечники стрел; 6–7 – удила; 8 – обкладка лука; 12–13 – коррозированные обломки; 14 – сосуд.

1, 4, 8 – кость; 2 – бронза; 3 – серебро; 5–7, 9–13 – железо, 14 – глина

Способ захоронения обоих погребенных единокобразен. Это вытянутое положение тела на спине, правая рука согнута в локте и кисть ее уложена на таз, левая рука вытянута вдоль тела, стопы ног вплотную сдвинуты друг к другу (создается впечатление, что они связаны), голова ориентирована в западный сектор азимутом на 260 и 270° (см. рис. 1; 2). В более представительном погребальном инвентаре второго захоронения, а это был мужчина от 30 до 40 лет, невысокого роста, плотного телосложения, физически очень сильный (здесь и далее все антропологические характеристики костяков проведены Е.О. Святовой, за что авторы ей искренне признательны), четче проявляется принадлежность к воинско-всадническому страту: удила, колчан с железными бронебойными стрелами, фрагменты конской плети (рис. 2, 1–3, 5–7, 9–11). Есть также косвенные антропологические свидетельства принадлежности индивида к этому воинскому страту: след удара рубящим орудием с прямым или слабоизогнутым лезвием в области коленного сустава левой ноги. Эта травма нанесена непосредственно перед смертью индивида. В сопровождающем инвентаре первого захоронения юноши 17–18 лет набор таких артефактов менее очевиден. В его погребальном инвентаре также присутствовал железный бронебойный наконечник стрелы, но помимо этого найдены два костяных наконечника стрел, железный нож, а также небольшое тесло-мотыжка (см. рис. 1, 2, 3, 5, 10, 11). Эти орудия могли использоваться скорее даже в повседневной промыслово-хозяйственной деятельности. Признаки морфокомплекса постоянных всадников, возможно, с использованием стремя при верховой езде четко проявляются и в анатомическом строении обоих индивидов. Это недостаточная амортизация позвоночника при выпрямленном положении спины, следы ушибов, связанных как с ударом, так и падением с высоты и пр.

Таким образом, параллели в погребальном обряде и сопровождающем инвентаре обоих захоронений неоспоримы и свидетельствуют, что они оставлены одним коллективом в относительно короткий хронологический интервал. Косвенно об этом же свидетельствует единый антропологический тип погребенных: одонтологические расово-диагностирующие признаки указывают на их смешанное европеоидно-монголоидное происхождение. Есть и антропологические свидетельства проживания этих индивидов в одних и тех же природно-климатических условиях. Анализ их зубной, в том числе сколов зубной эмали у юноши и наличие двух кариозных полостей на зубах нижней челюсти взрослого мужчины, свидетельствует об употреблении в пищу неспецифических абразивных твердых частиц, например: орехи, мука твердого помола или что-то подобное. Присутствуют на обоих костяках свидетельства и о пережитом ими в раннем возрасте, от 2 до 5 лет, физиологическом стрессе: болезни или голодании.

ДАТИРОВКА И КУЛЬТУРНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ МОГИЛЬНИКА

Погребальный инвентарь первого погребения, за исключением бронебойного наконечника стрелы, найденного рядом с могилой, оказался малоинформативным для определения времени его совершения.

Те же костяные наконечники стрел и железный нож (см. рис. 1, 2, 5, 10) имели очень широкий хронологический диапазон бытования в пределах нескольких археологических эпох (см. подробнее далее). Еще одно железное изделие, найденное рядом с могилой, но связь которого с погребением юноши или тем коллективом, кто его хоронил, возможна, в научной литературе определяется как втульчатый топор, тесло, мотыга или тесло-мотыжка (см. рис. 1, 11). Оно изготовлено из железной пластины толщиной 4–6 см. Общая длина орудия 8 см. Соотношение длины втулки и рабочей части изделия примерно 1,4 : 1. Несомкнутая втулка (трубца) изделия длиной 4,3 см имеет овальную в сечении форму размером 3,8 × 2,6 см. На одной из ее боковых плоскостей фиксируется отверстие округлой формы диаметром 5 мм для жесткого крепления с деревянной рукоятью. Длина рабочей плоскости орудия 3,1 см, ширина у втулки 3,2 см, а у лезвия – 3,4 см. Рабочая часть скругленного лезвия имеет одностороннюю скошенную заточку и утончено до 3 мм. Такие орудия имели широкий хронологический период существования: с конца I тыс. до н.э. и вплоть до этнографической современности. Но для нас важно, что на территории лесного Урала и сопредельных регионов они известны в памятниках юдинской культуры и макушинского типа [Могильников, 1987: 175, 177], Танкеевском могильнике Среднего Поволжья [Казаков, 1992: 72] и др. Это те культурные образования, к кругу которых отнесен, о чем речь пойдет далее, и могильник Кордон Миассово 1.

Прямым датированием по C¹⁴, извлеченного из левой бедренной кости скелета юноши, время захоронения первого индивида было определено: Le-10990: 660 ± 70 BP, 1σ: 1270–1330, 1340–1400 AD, 2σ: 1220–1420 AD (δ¹³ C – 18,6%, δ¹⁵ N – 13,1%). То есть, это временной интервал со второй четверти XIII по начало XV в.

Такой датировке могильника в целом не противоречат и погребальный инвентарь, более информативный в этом плане из второго погребения.

Так, прямые аналоги сосуду из погребения 2 имеются в захоронениях могильников Такталачук и I Азьметьевского чияликской культуры X–XV вв. Восточного Татарстана и Башкортостана. Здесь наряду с посудой, украшенной гребенчато-шнуровыми орнаментами, есть и низкогогорлые круглодонные неорнаментированные горшки [Казаков, 1978, рис. 30, 3; 44, 16]. Подобные же сосуды без ямочной зоны и орнамента на шейке и тулове соотносятся также с типом 7 позднесредневековой лепной керамической посуды городища Искер. Подобная посуда широко распространена в памятниках XIII–XVI вв. сибирских татар и сайгатинской культуры Северо-Западной Сибири [Зыков и др., 2017: 218, 219, рис. 23, 13; 100, 1; 105, 1, 2, 5].

Три из пяти железных наконечников стрел, один из погребения 1 и два из погребения 2, относятся к одному типу бронебойных долотовидных в виде узкой лопаточки с наибольшим расширением в верхней части у острия, прямоугольного массивного сечения, с шейкой и упором, круглым в сечении черешком (см. рис. 1, 3; 2, 5, 9). Это эффективное оружие для пробивания металлических пластин доспехов. Единичные находки подобных наконечников Восточной Европы А.Ф. Медведев относил к типу 99 и датировал

Шорин А.Ф., Шорина А.А., Зыков А.П.

IX–XIV вв. [Медведев, 1966: 85, табл. 30, 96]. Более многочисленны они в кыргызских могильниках аскизской культуры X–XIV вв. Южной Сибири [Кызласов, 1983: 38, 39, табл. XIX, 30, 31; Горбунов, 2006: 35, рис. 33, 23]. Два именно таких аналогичных миасским бронебойных долотовидных наконечника известны на севере в Сургутском Приобье – в погребении 130 XIII в. Сайгатинского IV могильника и в Сайгатинском I святилище X–XVI вв. А вот в памятниках сибирских татар XIII–XVI вв. такого типа наконечников пока не выявлено. Даже в большой выборке Искера обнаружено только 2 экземпляра железных плоских срезней в виде узкой удлиненной лопаточки с упором и круглым в сечении черешком типа 23 [Зыков и др., 2017: 166, рис. 86, 13, 14]. Но они не являлись бронебойными.

Один экземпляр из погребения 2 (см. рис. 2, 10) представляет собой бронебойный боеголовковый с массивной ромбовидной боевой головкой толстого ромбического сечения, с округлой в сечении шейкой, с упором, с круглым в сечении черешком. Соответствует типу 101 классификации восточноевропейских наконечников стрел А.Ф. Медведева. Они датируются первой половиной – серединой XIV в. [Медведев, 1966: 86, табл. 28, 8, 20, 21]. По одному такому же наконечнику найдено на Искере [Зыков и др., 2017: 167, табл. 86, 16] и на Кинтусовском могильнике. В небольшом числе подобные бронебойные боеголовковые наконечники встречались в Южной Сибири [Худяков, 1980: 92, табл. XXXI, 2, 3; Кызласов, 1983: 38, 39, табл. XX, 1, 16, 17, XXXIV, 5; Горбунов, 2006, рис. 33, 37].

Последний такой наконечник из погребения 2 внешне похож на предыдущий, но отличается от него гораздо меньшей толщиной ромбовидного сечения пера (см. рис. 2, 11). Поэтому он относится к другому типу боеголовковых с выделенной короткой боевой головкой ромбической формы уплощенно-ромбического сечения, с длинной шейкой, упором, черешком круглого сечения. В коллекции городища Искер это самый распространенный тип (№ 19) универсальных охотничье-боевых наконечников, к нему относится почти четверть всех зафиксированных [Зыков и др., 2017: 165, 166, рис. 19, 1, 4, 13, 14, 20; 85, 10–28].

Оба костяные шлифованные наконечники стрел относятся к одному типу ассиметрично-ромбических с наибольшим расширением в нижней трети длины пера, треугольного сечения, с выделенным уплощенным черешком (см. рис. 1, 5, 10). В коллекции Искера подобных артефактов, выделяемых в тип 4, зафиксировано 14 экз.; больше, чем каких-либо других костяных наконечников [Там же: 178, рис. 19, 22; 20; 87, 7, 10, 11]. Сделанные из крупных обломков расколотых трубчатых костей животных такие наконечники употреблялись, по крайней мере, с раннего железного века до конца позднего средневековья, практически не изменяясь.

Два фрагмента удил, найденные в погребение 2 (см. рис. 2, 6, 7), без сомнения, это фрагменты одного составного железного изделия – двухзвенных кольчатых удил. Удила состояли из двух одинаковых четырехгранного сечения грызел с двумя петлевидными завершениями на концах обоих стержней. Одни петли служили для подвижного скрепления грызел, а концевые – для закрепления колец диаметром 3,3–3,5 см

круглого сечения. Сборка производилась путем горячей кузнечной сварки, обеспечивавшей неразъемное подвижное соединение деталей изделия. Достаточно простые кольчатые удила предназначались для нестрогого управления спокойной выездженной лошадей. Самые ранние кольчатые удила в Западной Сибири известны из погребения II–IV вв. саргатской культуры Ипкульского могильника [Корякова, 1988, рис. 20], самые поздние – в татарских погребениях XVII–XVIII вв. Барабы [Молодин и др., 1990: 82, рис. 59, 1–16; 75, 1, 2, 6].

Таким образом, судя по аналогиям, хронологический интервал бытования вещей из обоих погребений могильника укладывается в период XIII–XVI вв., т.е. даже несколько шире, чем тот, что определен радиоуглеродным датированием.

В археолого-культурном плане погребения могильника Кордон Миассово 1 входят в круг памятников, распространенных во второй четверти II тыс. на широкой территории по обе стороны Уральского хребта от восточных районов Татарстана, горно-лесных и лесостепных Башкортостана до лесной зоны Зауралья. К западу от Уральского хребта эти памятники (Такталачукский, I Азьметьевского, Казакларовский, Ахметовский II, Кара-Якуповский и другие грунтовые могильники), как и могильники в горной части Зауралья (Большеказакбаевский 2, Перегон V), относятся к чияликской археологической культуре [Шорина, 2017: 110]. Могильники же у д. Мыс и курганный могильник у д. Макушино в восточных районах Свердловской области относят к юдинской культуре либо ее локальному варианту – памятникам макушинского типа [Викторова, 1962а, б; Могильников, 1987]. Но, в принципе, памятники обоих культурных типов практически идентичны, поэтому возможно их объединение их в одну – чияликскую – культуру [Голдина, Зыков: 46, 50–54].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тем самым, на значительной территории контактной зоны леса и лесостепи по обе стороны Уральского хребта от Восточной Татарии на западе по восточные районы Свердловской области на востоке в интервале со второй четверти XIII по начало XV вв. выделяется свита близких в археологическом отношении памятников: чияликские, юдинские и макушинские. Их исследователи связывают с обширным угорским этнокультурным массивом, который подвергся процессам тюркизации, особенно в южной своей части [Казаков, 1977; Могильников, 1987: 168–176, 179–183; Гарустович, 1988; Викторова, 2008]. Формирование этого массива может уходить в события IX в., когда происходит пока что необъяснимое в южной части Зауралья исчезновение бакальской культуры. А опустевшие земли долины реки Исети стали заселяться выходцами с севера – носителями юдинской культуры X–XIII вв. Кочевничество было освоено еще их предками в эпоху батырской культуры IV–XI вв. В лесостепном Приисетье население юдинской культуры, как и их местные предшественники, каковыми являлись носители гороховской, саргатской и бакальской культур, быстро освоило полукочевой скотоводческий образ жизни и стало продвигаться в обезлюдившую после ухода венгров – мадьяр на запад в поисках «новой родины» нишу –

относительно тонкую полосу пограничья южного леса и северной лесостепи от Уральских гор до долины р. Белой. Вся эта полоса маркируется появлением здесь редких пока еще памятников с керамикой, орнаментированной шнуровыми штампами – типичной в этот период именно для юдинской культуры. Как в Приуралье, так и в Зауралье они сменяются памятниками более позднего эволюционного развития. В Зауралье их принято называть макушинским типом XIV–XV вв., в Приуралье – чияликской культурой X–XV вв. Хотя по сути это одно и то же, поэтому логичнее объединять их в одну – чияликскую – культуру. Значительная часть этого населения имела явно выраженную коневодческую направленность. Воинско-коневодческий образ жизни, как уже отмечено выше, очевиден по антропологическим данным и по сопровождающему погребальному инвентарю и для населения, оставившего могильник Кордон Миассово 1. В первом случае – это морфокомплекс постоянных всадников с использованием стремян при верховой езде, прижизненные травмы и раны, связанные как с падением, так и ударом, в том числе рубящим орудием, непосредственно перед смертью индивида. Во втором – это обломки кольчатых двухзвеньевых удил, рукоятка конской плетки и, конечно же, костяные и особенно железные броневые наконечники стрел, способные пробивать кольчугу.

Мы вслед за В.П. Казаковым и Г.Н. Гарустовичем, учитывая, в том числе смешанное европеоидно-монголоидное происхождение этого населения, считаем правомерным связывать подобные типы памятников с той частью угорского этнического массива, что были описаны в известном докладе брата Рихарда Папе Римскому Григорию IX. Он составлен доминиканским монахом Юлианом, венгром по национальности, который в поисках прародины венгров во второй четверти XIII в. совершил два путешествия в Восточную Европу. И близ большой реки Этиль (река Этель – обычно Волга, но тут, скорее, р. Белая, которую башкиры еще в XIX в. называли Ак-Идель – *примеч. авторов*), он нашел народ, который говорил на языке, понятным ему, хотя и были «язычники, не имеют никакого понятия о боге, но не почитают и идолов, а живут, как звери. Земли не возделывают! едят мясо конское, волчье и тому подобное; пьют лошадиное молоко и кровь. Богаты конями и оружием и весьма отважны в войнах. По преданиям древних они знают, что те венгры произошли от них, но не знали, где они...» (Цит. по: [Анинский, 1940: 82]).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН СССР	– Академия наук СССР
БНЦ УрО АН СССР	– Башкирский научный центр Академии наук СССР
УИИЯЛ АН СССР	– Уфимский Институт истории, языка и литературы Академии наук СССР
УрО РАН	– Уральское отделение Российской Академии наук

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / LIST OF REFERENCES

1. Анинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. Т. III. М.; Л., 1940. С. 77–82. [Aninskij S.A. Proceedings of the Hungarian missionaries XIII–XIV centuries. The Tartars and Eastern Europe. *Istoricheskij arhiv*. Vol. III. M.–L., 1940. P. 77–82.]
2. Викторова В.Д. Могильник и поселение у д. Мыс на р. Нице // Вопросы археологии Урала. Вып. 4. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1962а. С. 135–153. [Viktorova V.D. Burial Ground and settlement at the Cape on the river Nice. *Voprosy arheologii Urala*. Issue 4. Sverdlovsk: Izd-vo Ural'skogo un-ta, 1962a. P. 135–153.]
3. Викторова В.Д. Курганы у с. Макушино на р. Нице // Археология и этнография Башкирии. Т. 2. Уфа: УИИЯЛ АН СССР, 1962б. С. 247–250. [Viktorova V.D. Barrows at Makushino village on the nice river. *Arheologiya i etnografiya Bashkirii*. Vol. 2. Ufa: UIIYAL AN SSSR, 1962b. P. 247–250.]
4. Викторова В.Д. Древние угры в лесах Урала (страницы ранней истории манси). Екатеринбург: КВАДРАТ, 2008. 208 с., ил. [Viktorova V.D. Ancient Ugrians in the forests of the Urals (pages of the early history of Mansi). Yekaterinburg: KVADRAT, 2008. 208 p., il.]
5. Гарустович Г.Н. Об этнической принадлежности раннемусульманских памятников Западной и Центральной Башкирии // Проблемы древних угров на Южном Урале. Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1988. С. 130–139. [Garustovich G.N. On ethnicity of early Muslim monuments of Western and Central Bashkiria. *Problemy drevnih ugrov na Yuzhnom Urale*. Ufa: BNC UrO AN SSSR, 1988. P. 130–139.]
6. Голдина Р.Д., Зыков А.П. Лес и лесостепь Уральской Евразии в эпоху железа (I тыс. до н.э. – XVI в. н.э.): проблемы контактов и взаимодействия // IV Северный археологический конгресс: доклады. 19–23 октября 2015 г. Ханты–Мансийск–Екатеринбург, 2015. С. 36–56. [Goldina R.D., Zykov A.P. Forest and forest-steppe of Ural Eurasia in the iron age (I Millennium BC – XVI century ad): problems of contacts and interaction // IV Northern archaeological Congress: reports. 19–23 October 2015. Khanty-Mansiysk–Yekaterinburg, 2015. P. 36–56.]
7. Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2006. 232 с. [Gorbunov V.V. Military Affairs of the Altai population in the III–XIV centuries. Part II: Offensive weapons (weapons). Barnaul: Izd-vo Altajskogo un-ta, 2006. 232 p.]
8. Зыков А.П., Косинцев П.А., Трепалов В.В. Город Сибир – городище Йскер (историко-археологическое исследование). М.: Наука: Восточная литература, 2017. 559 с.: ил. [Zykov A.P., Kosincev P.A., Trepalov V.V. City of Sibir – Isker settlement (historical and archaeological research). M.: Nauka: Vostochnaya literatura, 2017. 559 p.: il.]
9. Казаков Е.П. О памятниках болгарского времени в восточных районах Татарии // Древности Волго-Камья. Казань: АН СССР, 1977. С. 92–102. [Kazakov E.P. On the monuments of Bulgarian time in the Eastern regions of Tatarstan. *Drevnosti Volgo-Kam'ya*. Kazan': AN SSSR, 1977. P. 92–102.]
10. Казаков Е.П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М.: Наука, 1978. 120 с. [Kazakov E.P. Monuments of the Bulgarian time in East areas tatarii. M.: Nauka, 1978. 120 p.]
11. Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии (этапы этнокультурной истории). М.: Наука, 1992. 172 с. [Kazakov E.P. Culture of early Volga Bulgaria (stages of ethno-cultural history). M.: Nauka, 1992. 172 p.]
12. Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1988. 240 с. [Koryakova L.N. Early iron age of TRANS-Urals and Western Siberia (sargat culture). Sverdlovsk: Izd-vo Ural'skogo un-ta, 1988. 240 p.]
13. Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. // Свод археологических источников. Е-3-18. М.: Наука, 1983. 128 с. [Kyzlasov I.L. Askizskaya culture of southern

Шорин А.Ф., Шорина А.А., Зыков А.П.

- Siberia X–XIV centuries. *Svod arheologicheskikh istochnikov*. E-3-18. М.: Nauka, 1983. 128 p.]
14. Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. // Свод археологических источников. Е-1-36. М.: Наука, 1966. 184 с. [Medvedev A.F. Hand throwing weapons (bow and arrow, crossbow) VIII–XIV centuries. *Svod arheologicheskikh istochnikov*. E-1-36. М.: Nauka, 1966. 184 p.]
  15. Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья: Археология СССР. М.: Наука, 1987б. С. 163–235. [Mogil'nikov V.A. Ugra and Samoyeds of the Urals and Western Siberia. *Finno-Ugric and Baltic in the middle ages: Arheologiya SSSR*. М.: Nauka, 1987b. P. 163–235.]
  16. Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьёв А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск: Наука, 1990. 262 с. [Molodin V.I., Sobolev V.I., Soloviev A.I. Barab in the late middle ages. Novosibirsk: Nauka, 1990. 262 p.]
  17. Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск: Наука, 1980. 176 с. [Hudyakov Yu.S. Weapons of Yenisei Kyrgyz in VI–XII centuries. Novosibirsk: Nauka, 1980. 176 p.]
  18. Шорин А.Ф., Шорина А.А. Погребение эпохи средневековья могильника Кордон Миассово 1 в горно-лесном Зауралье // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 06 (60). Ч. 1. С. 107–111. [Shorin A.F., Shorina A.A. Burial of the middle ages of the burial ground Cordon Miassovo 1 in the mountain-forest TRANS-Urals. *International research journal*. 2017. № 06 (60). 1 hour. P. 107–111.]
  19. Шорин А.Ф., Шорина А.А. Погребение второй четверти II тысячелетия могильника Кордон Миассово 1 в горно-лесном Зауралье: манускрипт. Т. 12. Вып. 5. Тамбов: Грамота, 2019. С. 69–73. [Shorin A.F., Shorina A.A. Burial of the second quarter of the II Millennium of the burial ground Cordon Miassovo 1 in the mountain-forest TRANS-Urals: manuskript. Vol. 12. Issue 5. Tambov: Gramota, 2019. P. 69–73.]

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ РЕКОМЕНДУЕТ СТАТЬЮ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ

Мосин Вадим Сергеевич, доктор исторических наук; директор Южно-Уральского филиала Института истории и археологии УрО РАН (специальность 07.00.06)

РЕЦЕНЗИЯ

на статью А.Ф. Шорина, А.А. Шориной, А.П. Зыкова
«О датировке и культурной принадлежности средневекового могильника Кордон Миассово 1
в горно-лесном Зауралье»

Рецензируемая статья написана по специальности 07.00.06 «Археология», что полностью соответствует одному из направлений тематики журнала «История и современное мировоззрение». Обобщающему анализу подвергнуты материалы двух погребений средневекового могильника Кордон Миассово 1, расположенного на территории Ильменского заповедника на севере Челябинской области в горно-лесной зоне Южного Зауралья. Он открыт авторами статьи совсем недавно, в 2014 г. Первичный анализ в виде двух публикаций источника, т.е. двух вскрытых здесь погребений, проведен оперативно. В данной же статье осуществлен глубокий обобщающий системный анализ этого могильника. Основные направления этого анализа отражает название статьи. В связи с изложенным новизна и оригинальность текста очевидна. Это подтверждает и От-

чет по сервису «Антиплагиат» – <http://users.antiplagiat.ru>: оригинальность текста более 85%. Это материалы открытого доступа. Авторы статьи практически единственные не только в регионе, но и в России, на сегодняшний день работающие по данной проблематике, поэтому актуальность, теоретическая или практическая значимость предложенной публикации сомнений не вызывает. В то же время, список использованной литературы, включающий 19 наименований работ 19 авторов, работавших по данной или близкой тематике, наглядно свидетельствует о глубоком знании авторами рецензируемой статьи рассматриваемой тематики. Основные выводы, сформулированные в статье, несомненно, будут востребованы специалистами и, скорее всего, выдержат проверку временем.

Статья может быть рекомендована к публикации.

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора ранних металлов Института истории и археологии УрО РАН, зав. кафедрой археологии и этнологии УрФУ, доцент
С.Ф. Кошкиров

ABOUT DATING AND CULTURAL IDENTITY OF THE MEDIEVAL BURIAL GROUND KORDON MIASSOVO 1 IN THE MOUNTAIN-FOREST URAL

Shorin Alexander Fedorovich, Doctor of History, Professor; Chief Researcher of the Stone Age Archeology Sector of the Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Yekaterinburg, Russia. E-mail: shorin_af@mail.ru

Shorina Anastasia Alexandrovna, junior researcher, stone Age Archeology Sector Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Yekaterinburg, Russian Federation. E-mail: aashor@mail.ru

Zykov Aleksey Pavlovich, PhD. (Hist.), senior researcher, metal epoch sector, Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Yekaterinburg, Russian Federation. E-mail: a.p.zykov@mail.ru

Abstract. The article deals with the dating and cultural identity of two burials of the medieval burial ground Kordon Miassovo 1, located in the mountain-forest of Urals. Presents the results of a comparative analysis of the inventory of burials, which includes items of military equestrian equipment – a quiver with iron armor-piercing arrowheads, fragments of a horse whip, knives. It is shown that the presented inventory has analogies in a wide range of nomadic cultures of Eastern Europe, Western and Southern Siberia of the XIII–XVI centuries, which is confirmed by the radiocarbon date obtained on the bones from the burial 1 of the burial ground Kordon Miassovo 1. Attention is paid to the anthropological analysis of the buried, whose racially-diagnosing features indicate their mixed Caucasoid-Mongoloid origin and signs of the morpho-complex of constant horsemen-warriors. It is concluded that in the archaeological and cultural plan the burials of the Kordon Miassovo 1 burial site are included in the circle of monuments distributed in the second quarter of the 2nd millennium in the wide territory on both sides of the Ural range from the eastern regions of Tatarstan, mountain forest and forest-steppe Bashkortostan to the forest zone Zauralye, which researchers unite in the framework of a single Chiyalik culture. This culture is associated with one of the stages of the formation of the Ugric ethnocultural array, the ancestors of the modern Khanty, Mansi and Hungarians.

Key words: burial, Middle Ages, mountain forestry Trans-Urals, Chiyalik culture.
